

Федоров Сергей Владимирович

(Академия постдипломного педагогического образования, Санкт-Петербург)

Методический комментарий к презентации «В.Т. Шаламов «Детские картинки»»

Изучение литературного произведения в школе предполагает несколько существенных этапов:

1. создание установки на чтение восприятие;
2. изучение читательского восприятия
3. анализ литературного произведения с учетом особенностей читательского восприятия конкретного класса;
4. обобщение данных анализа в различных формах интерпретации;
5. создание установки на дальнейшее самостоятельное «общение» с текстом.

На каждом этапе должна появиться какая-то методическая «интрига» или даже конфликт, создающие мотивацию к читательской, аналитической и творческой деятельности, проблематизирующие читательское восприятие.

В.Т. Шаламов называл ГУЛАГ «слепком мира», а состояние человека, находящегося в заключении – состоянием «за-человечности». Эти два момента и должны быть отправными при построении уроков по творчеству этого писателя. И хотя сам Шаламов считал, что сталинские лагеря и печи Освенцима, между которыми для него не было различий, “доказали, что искусство и литература – нуль”, мы не должны забывать, что в школьном преподавании литературы должны действовать законы искусства: погружаясь в глубины человеческой трагедии и страдания, мы должны помнить, что задача искусства – катарсическое преодоление этого страдания. Об этом в своих рассказах писал и сам Шаламов, например, в рассказах «Шерри-бренди» и «Афинские ночи». В то же время мы должны помнить, что «Колымские рассказы», по собственному признанию автора: «... фиксация исключительного в состоянии исключительности. Не документальная проза, а проза, пережитая как документ». Таким образом, «документальность» и «катарсичность», если можно так выразиться, должны стать ключевыми свойствами изучения творчества В.Т. Шаламова в школе. Рассмотрим реализацию этих принципов на примере двух рассказов писателя «Детские картинки» и «Аневризма аорты».

Название рассказа «Детские картинки» очевидно противопоставляет мир детства, который в нормальном состоянии должен быть пронизан любовью, верой в добро и светом, миру взрослых, в котором разворачивается драматическое противостояние добра и зла. Так и построен рассказ. Перед нами жестокая реальность, в которой даже природа заодно с теми, кто обрекает людей на страдания и мучения (в конце рассказа, подчеркивая эту мысль, появляется пересказ северной легенды о боге, покинувшем мир, в котором обречены жить и умирать герои рассказа). Ее обыденная жестокость проявляется в едва заметных изобразительных деталях: описании пилы, которая, как человек, не выдерживает условий лагерного труда на Севере, очевидное сопоставление мусорной кучи с сокровищем или кладом, когда даже желание согреться отступает на второй план, в сравнении с надеждой найти в куче отбросов нечто, что поможет выжить в условиях заключения, или отсутствия ужаса перед тем, что должно его вызывать, свидетельствующее о притуплении даже не нравственного сознания, а и физиологической «брезгливости», свойственной человеку, находящемуся в нормальных условиях, и, наоборот, удивление перед тем, что должно быть нормой. «Обретение» тетрадки с детскими рисунками описано в одном предложении с описанием чего-то напоминающего человеческие кишки: «Отодвинув какую-то тряпку, похожую на человеческие кишки, я увидел – впервые за много лет – серую ученическую тетрадку». Эта фраза построена таким образом, что читатель должен ужаснуться тому, что для героя-рассказчика: зрелище человеческих кишок, похожих в его восприятии на тряпку, – обыденность, а находка тетрадки с детскими рисунками – исключительное событие. Бесчеловечность реальности проявляется в рассказе и в том, что хотя бы в пространстве воспоминаний у героя-рассказчика есть представление о торжестве добра над злом и о красоте, а в опыте автора детских картинок есть только будничная жестокость, унижение человека и безобразия. Именно поэтому характеристику тетради писатель выносит в отдельный самостоятельный абзац: «Это была грозная тетрадь». Увы, тетрадь, найденная рассказчиком, действительно, была «обыкновенной школьной тетрадкой» по форме и «грозным» свидетельством о разрушении человека и человеческого мира по содержанию.

Именно этот контраст нравственной и эстетической нормы – духовным аномалиям и безобразию лагерной жизни необходимо учитывать в системе вопросов и заданий по изучению рассказов В.Т. Шаламова.

В презентации использованы два эпитафия. Первый – У. Эко: «История рассказывает нам истории» – неявным образом задает вопрос, на который учитель и учащиеся путем совместных усилий должны будут ответить в результате урока: «О чем история, рассказанная Шаламовым?» Второй – В.Т. Шаламов: «Каждый писатель отражает время, но не путем отражения виденного на пути, а познанием с помощью самого чувствительного в мире инструмента – собственной души, собственной личности» – создает установку на внимание к состояниям души, отраженным в рассказе и «превращает» историю находки ученической тетради в историю души.

Собственно установка на чтение создается представлением детских рисунков, выполненных современными детьми, живущими в нормальных условиях. В каждом из них проявляется и радость жизни, как в морском пейзаже восьмилетней Оленьки из Саратова, и представление о счастье и гармонии, как в «Райском острове» Саши из Волгограда, наконец, вера в торжество добра, как в рисунке «Илья Муромец и идолище» Насти из Нефтеюганска. Все работы взяты из сети Интернет при помощи поискового заброса «детские картинки» на портале «Яндекс» в сервисе «Картинки» и представляют собой оцифрованные репродукции детских конкурсных работ.

Перед представлением этих работ учащимся задается вопрос:

- Какие образы возникают в вашем воображении при словосочетании «детские картинки»?

После просмотра картинок с выявлением главной идеи каждой из них учащимся предлагается вопрос, зеркально отражающий первый:

- Оправдались ли ваши ожидания после просмотра детских рисунков, представленных в презентации к уроку?

В результате обсуждения детских работ, созданных современными детьми, на уроке формируется представление об устойчивой норме культуры, идеале, который в нормальных условиях транслируется из поколения в поколение. Однако в рассказах В.Т. Шаламова фиксируется нарушение нормы, нарушение, ставшее обыденностью и привычным состоянием социальной и духовной жизни человека в ГУЛАГе, а потому так важна в методической системе по изучению его произведений реконструкция нормы как устойчивого идеала, который и подвергается испытанию в ГУЛАГе.

Актуализация антитезы «норма – искажение нормы» важнейший элемент изучения произведений не только Варлама Тихоновича Шаламова, но и других авторов так называемой «лагерной прозы». Оно обеспечивает «вживание» читателя в душевное состояние, ситуацию и сюжеты этих произведений.

В нашем случае актуализация этого противопоставления происходит на контрасте современных детских рисунков и биографии реальных детей – жертв сталинского террора.

В презентации представлен документ с сайта «Виртуальный музей ГУЛАГа», который создается усилиями научных сотрудников НИЦ «Мемориал» (www.gulagmuseum.org) – это письмо воспитательницы детского дома № 1 г. Вольска Саратовской области заключенной ОЛП №4 Минлага в Инте Элеоноре Иосифовне Мозолевской-Никифоровой, матери воспитанницы Алисы Никифоровой, с которой мать была разлучена сразу после рождения дочери в лагерьном лазарете.

В презентации целиком приводится этот документ на пожелтевшей от времени бумаге:

«Уважаемая Элеонора Иосифовна! Шлет Вам привет, из Вольского детского дома дочка Алиса. Но только она у нас большая, она очень обижается гов [вероятно «говорит» – при цитировании сохранены все особенности написания этого письма] «я большая вырасту, то буду обязательно врач. Очень любит лечить кукол. Алиса здоровая, крупная девочка полная, вы ее не узнаете. Девочка умная, спокойная, во время занятий очень внимательная, хорошо лепит рисует. Речь правильная, очень любит слушать сказки когда рассказывает воспитательница. А особенно любит лечить кукол, возьмет изображаемую трубку, куклу переворачивает с боку на бок, и так внимательно как взрослая».

Работа с этим документом строится по следующим вопросам и заданиям:

- Как вы представляете ситуацию, в которой могло возникнуть это письмо?
- От чьего лица оно написано и какую цель преследует?
- Опишите двух авторов этого письма: девочку и воспитательницу, - дайте их психологическую характеристику.

После того, как учащиеся предложат свои версии им предлагается комментарий к проанализированному документу с сайта «Виртуальный музей ГУЛАГа», из которого они узнают трагическую историю судьбы и девочки Алисы и ее матери.

Визуальный и текстовый ряды презентации должны выполнять иллюстрирующую функцию, превращая события далекого прошлого в реальность читательского сопереживания, поэтому так важно, чтобы, как и в литературном произведении, за каждым артефактом сталинского террора стояла не общая идея, но конкретный образ, конкретная человеческая судьба, потому что

подлинного «вживания» в ситуацию художественного произведения без актуализации потенциальных образных рядов, созвучных тексту, не произойдет.

В качестве резонатора к истории Алисы Никифоровой в презентации выступает рисунок бывшего узника ГУЛАГа Гинтаутаса Мартинайтиса «Отделение мужчин от семей на станции Науёйи Вильня», сделанный в 1990-м году с комментарием автора: «На станции Науёйи Вильня многих мужчин отделили от семей и отправили в лагеря в Красноярском крае. Из нескольких тысяч мужчин через два года в живых осталось меньше сотни».

Сопоставление и сочетание письма воспитательницы Алисы Никифоровой из детского дома и рисунка Гинтаутаса Мартинайтиса создают психологический эффект общности судьбы узников ГУЛАГа, но именно образного обобщения, восхождения от конкретной человеческой судьбы к исторической судьбе страны и добивается В.Т. Шаламов в своих «Колымских рассказах».

Далее учащимся поочередно предлагается взглянуть в лица детей из интерната для спецпереселенцев и лица Алисы Никифоровой после первой встречи с матерью в восьмилетнем возрасте и после внимательного и неторопливого рассматривания этих лиц предложить свои версии того, какие рисунки могли бы сделать эти дети.

После просмотра фотографий в классе читается рассказ В.Т. Шаламова до того момента, как автор описывает, что он увидел на детских рисунках в найденной на мусорной куче ученической тетради, после этого озвучиваются версии учащихся и сопоставляются и с текстом рассказа и с реальными рисунками узников ГУЛАГа.

Таким образом, на уроке достигается тот самый эффект документальной достоверности, который так волновал В.Т. Шаламова как летописца лагерной жизни. При этом должна произойти «встреча» подлинных чувств и событий жертв сталинского режима и современных читателей-школьников.

Сам В.Т. Шаламов признавался: «... я придаю чрезвычайное значение первой и последней фразе. Пока в мозгу не найдены, не сформулированы эти две фразы – первая и последняя, – рассказа нет. <...> ... закон поэзии основной в том, что поэт, садясь за стихи, не знает, чем он их кончит. Знающий конец – это баснописец, иллюстратор. Тот же закон действует и в прозе». В этой автохарактеристике процесса творчества мы обращаем внимание учеников, с одной стороны, на то, что первая и последняя фраза рассказа воспринимаются писателем как фиксаторы авторского замысла, а с другой, что финал должен оказаться так же непредсказуем, как сама жизнь, и в то же время – выявлять ее сущность, потому что поэзия не иллюстративна, даже когда она изобразительна, она всегда стремится к единству, целостности и точности и мысли и, главное, лирического переживания.

С этой целью ученикам предлагается выдвинуть гипотезу и свой вариант потенциального завершения рассказа Шаламова. Каждая из предлагаемых версий обсуждается на предмет того, какую идею она выражает. После совместной дискуссии ученикам предлагается авторский вариант: «Товарищ мой заглянул в тетрадку и пощупал листы.

– Газету бы лучше искал на куче. – Он вырвал тетрадку из моих рук, скомкал и бросил в мусорную кучу. Тетрадка стала покрываться ином».

В данном случае методика анализа рассказа строится на тех же самых принципах, что и сам рассказ. Новеллистический пуант, которым становится последняя реплика одного из героев рассказа, должен быть пережит через читательскую непредсказуемость финала и последующее его обсуждение.

Увы, придется признать, что так же, как лагерь перемалывает человеческое тело, превращая кишки в подобие тряпки, он точно так же, по мысли Шаламова, он «проходится» и по человеческой душе, уничтожая в ней все стремления, мечты и воспоминания, оставляя человеку только физиологическое желание продлить свое существование. Это умаление человека до примитивных, хотя и естественных желаний: согреться, поесть, покурить, и есть явная форма того «состояния за-человечности», в которое погружает человека ГУЛАГ.

Однако было бы опрометчиво действовать в условиях школьного образования по тому же принципу, что и «желтые» СМИ, желающие часто шокировать человека, не давая ему ничего взамен. Все-таки образование и воспитание – это всегда и поиск жизненных альтернатив и утверждение «вечных ценностей». Последний этап изучения рассказа В.Т. Шаламова этому и посвящен.

Учащимся предлагается рассмотреть несколько экспонатов «Виртуального музея ГУЛАГа» «Самодельная открытка из бересты», сделанную для дочери пациентом лагерного лазарета, и новогоднее поздравление детям, отправленное из мест заключения.

Рассматривая эти экспонаты, учащиеся должны обратить внимание на то, с какой любовью и тщательностью выполнены эти подарки детям. Акцентировать на этом их внимание можно с помощью следующих вопросов:

- Как проявилось в представленных вам экспонатах отношение детей к родителям?
- Как бы вы охарактеризовали это отношение?

Обсуждение рассказа следует построить на главной антитезе всего анализа «норма и искажение нормы», предложив ученикам поразмышлять над следующими вопросами:

- Согласились бы авторы подарков детям с той характеристикой человека в лагере, которой мы с вами пришли в финале изучения рассказа?
- Почему тетрадь, найденная на мусорной куче названа писателем «грозной»?
- Можно ли назвать ее «грозным» свидетельством?

Итогом разговора о рассказе Шаламова может стать размышление о роли искусства в жизни человека, а в качестве материала к размышлению фрагмент о ночных посиделках больных заключенных и сотрудников лагерного лазарета, собиравшихся вместе, чтобы почитать друг другу стихи, которые каждый помнил наизусть: «Час чтения стихов. Час возвращения в волшебный мир. Мы все взволнованы. Я даже продиктовал Добровольскому бунинского «Каина». Стихотворение осталось в памяти случайно – Бунин поэт небольшой, но для устной антологии, составлявшейся на Колыме, прозвучало весьма и весьма.

Эти поэтические ночи начинались в девять часов вечера после поверки в больнице и кончались в одиннадцать-двенадцать часов ночи. Я и Добровольский были на дежурстве, а Португалов имел право опаздывать. Таких поэзоночей, которые позднее в больнице получили название афинских ночей, мы провели несколько».

Этот заключительный разговор очень важен, потому что, погружая учащихся в истории прошлого о трагедии человеческого существования в эпоху сталинского террора, мы обязательно должны искать вместе с ними альтернативы оскудению человеческого в человеке, искать те духовные и нравственные опоры, которые помогли бы им не только понять трагедии прошлого, но и выстоять в настоящем. Катарсис должен быть результатом не только эстетического переживания, но и духовного опыта человека, именно это мы можем найти во многих рассказах, может быть, самого трагического писателя XX века.

Тот же принцип столкновения «нормы и искажения нормы» должен быть использован и при изучении рассказа «Аневризма аорты».